

Slyva T. The positional relationship of the ASG “ночь” members.

*The composition and structure of associative-semantic group with *kauzema* “ночь” are investigated in the article. The elements of meaning, which allow including corresponding lexemes in the paradigm, are designated.*

*Keywords: associative-semantic group, *kauzema*, *reflexema*.*

Стась Т. В.

*Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова*

**ОДНОСЛОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПАХОТНЫХ ЗЕМЕЛЬ
ПО ПРИЗНАКУ “ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ ОБРАБАТЫВАЕМОГО
(ПАХОТНОГО) ЗЕМЕЛЬНОГО УГОДЬЯ”
(по материалам памятников письменности XIV–XVI вв.)**

Статья посвящена одной из актуальнейших проблем исторической лексикологии – лексико-семантическому анализу частной терминологической системы, функционирующей в рамках XIV – XVI вв. В поле зрения находится комплекс вопросов, освещающих процесс формирования лексики земледелия в генетическом, семантическом, семасиологическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: историческая лексикология, памятники письменности, лексико-семантическая группа, полисемия, лексема, терминологическая система.

Объем лексики парового (пашенного) земледелия, относящийся к полеводству, в памятниках письменности Северо-Западной Руси XIV – XVI вв. довольно обширный. В его состав входят как однословные, так и составные наименования пахотных земельных угодий, которые достаточно разнообразны в отношении дифференциальных признаков, лежащих в основе их номинации.

В лексико-семантическую группу однословных наименований пахотных земель по признаку “общее название обрабатываемого (пахотного) земельного угодья” входит около двадцати лексем. Опорными словами в рассматриваемой ЛСГ являются поле и пашня. Они как наиболее многозначные и не содержащие дифференциации лексем в одном из своих значений объединили в семантическом отношении остальные слова группы.

Общеславянская лексема поле отличалась активностью употребления в памятниках письменности Северо-Западной Руси XIV – XVI вв.

В “Материалах” И. И. Срезневского лексема поле представлена с недифференцированным значением “открытое место, поляна, луг, поле”, в котором впервые отмечается Книге Бытия по рукописи Троицко-Сергиевской лавры XIV века: На поле почиеве. С таким же значением отмечает употребление лексем поле М. П. Тихомиров в Русской Правде. Считая исходным значением лексем поле противопоставление открытого пространства лесу, это мнение поддерживает Ф. П. Филин.

С семантикой “обрабатываемое поле, нива, пашня” слово поле зафиксировано в Русской Правде по списку Московской синодальной библиотеки 1280-х годов: Нъ же погубить на поли и въ дворъ не въженеть и не затворить... . Кроме указанных, в данном лексикографическом труде лексема поле представлена в значениях “степь”, жители степи, степняки (?), “сад” (?), “поле битвы, битва; судебный поединок, решение тяжбы битвою” (там же) В “Материалах” И. И. Срезневского обращают на себя внимание иллюстрации значения лексемы поле – “степь”. На наш взгляд, они могли бы быть использованы и при определении значения “открытое место, поляна, луг, поле”. Сравним иллюстрации, взятые из одного источника – “Слова о полку Игореве”, приводимые И. И. Срезневским при характеристике лексемы поле “открытое место, поляна, луг, поле” и “степь”: Поеха по чистому полю; и Трещать копия харалужныя на поле незнаме среди земли Половецкыи. Словосочетание чистое поле, которое, скорее всего “открытое место”, “степь”, что можно сказать и о словосочетании поле незнаме “незнакомое, неизвестное поле, степь”. В “Материалах” Г. Е. Кочина лексема поле представлена с семантикой “степь”, значение “открытое место” – отсутствует, а В. И. Даль определяет степь как “безлесье, незаселенный кочевой простор, безлесная и нередко безводная пустошь на огромном расстоянии”. Возможно, в “Материалах” И. И. Срезневского одно значение лексемы поле субъективно разделено на два близких.

Исследованные памятники письменности Новгорода Великого позволили нам конкретизировать некоторые значения полисемичной лексемы поле, а также расширить ее семантический объем. Так, в Новгородских и Псковских летописях XV в. лексема поле имеет также значение “открытая местность, безлесье”:... монастырь на поле святого Николы рахгробиша (НЛ IV, 117, 1417–1418 гг.); Въ лето 6960 поставиша церковь калеенну святого Николая на Легощи улицы, на поле, а старую разобрали (НЛ III, 240, 1442 – 1453 гг.); ... и самъ король и со всемъ своимъ двором и съ казною на поле выбеже...(ПЛ I, 239, 1471 г.); Поль дворища и огородецъ весь у Воротномъ поли (ГВНП, № 210, XV в.); А четвертое место конецъ Долгого поля у Темеского пути к Малемьянове пожни. Как видим, значение лексемы поле не изменяется в сочетаниях с выступающими в качестве определений именами собственными. В иллюстрации: ...а та земля против Егорія же в Лучинныхъ поли очевидно противопоставление лексем земля “общее название обрабатываемого (пахотного) земельного угодья” и поле “открытая местность, безлесье”, на которой находится пахотное угодье – “земля”. Подобное противопоставление значений наблюдается и в следующем примере: Да поле въ Кузьмине путе и зъ краинами, а темъ полемъ доверстывати Пуногорские земли (Гр. Дв. I, 281, 1586), где полем доверстываютъ землю, т.е. увеличивают ее площадь за счет удобной для обработки безлесной территории.

Матеріали, котрими ми розполагаем, дозволили нам передположити, что лексема поле могла имет и значение “земля, пригодная для сельскохозяйственного использования”. Приведенные выше иллюстрации свидетельствуют об использовании поля как участка пахотной земли, но на поле могло находиться и сенокосное угодье: А заложил есми ему... и дворное место и с полями с санными и с кошениною.

Из приведенных примеров следует, что поле используется и как пахотное, и как сенокосное угодье, а поэтому лексема поле могла называть используемое для сельскохозяйственной деятельности земельное угодье, т.е. “землю, пригодную для сельскохозяйственного использования” (без указания на момент ее использования, обрабатываемости).

Этому значению лексемы поле синонимично значение лексемы пустошь (пустынка) “незаселенная обрабатываемая земля”, которая могла называть как пахотное, так и сенокосное угодье: Половину тое пустоши пашуть и косять христяне...Ивашко Селивановъ съ товарищы, а сена на ней коробью ячмени, да урезаль корью репы, да сена укосиль десять копень (НПК I, 32, 1500 г.); ...великого князя половину тоя пустоши пашуть и косять христяне изъ Давыдовские жь деревни (там же); Да Соеонко же пашотъ пустошку Золино (НПК II, 71, XV в.).

Мы располагаем примерами, в которых значение лексемы пустошь противопоставляется по признаку “заселенность – незаселенность” значению сочетания село земли – “земельный участок”, “имение, разработанный пашенный участок земли, угодье”. Село земли – это владение в совокупности избы и хозяйственных построек, с одной стороны; пахотной и сенокосной земли, с другой. Однако, как считает И. А. Елизаровский, значение сочетания “село земли, по данным северных памятников,...было более сложным, именно: село земли – это владение в совокупности избы, хозяйственных построек, пахотной и сенокосной земли и, кроме того, охотничьих и рыболовных угодий, т.е. “заселенная обрабатываемая земля”: Се аз рабъ божий Анцыпор...даю живот свой весь, до половину сел своемъ земли и пустошь у Темши все спол...жене свои Федосьи..., а после ее живота...животъ свои и половину сел земли и пустоши Темши все споль... даю дочки своеи Марфи (XV в.).

В исследованных памятниках письменности лексема поле характеризуется семантикой “земля, пригодная для сельскохозяйственного использования”: Се купи Иване Федоровичь... село на Ровдини гори, горнихъ земель пять поль (XV в.); Се купи игумень Василей... в опцемъ поли полоса земли середняя подли Гаврилову землю (XV в.).

Наряду с этим поле в рассмотренных памятниках являлось “общим названием обрабатываемого (пахотного) земельного угодья”. Это значение рельефно раскрывается в сочетаемости лексемы поле с глаголами впустить, припустить. Сочетания припустить в поле и впустить в поле имеют синонимичные значения “присоединить к обрабатываемому (пахотному)

участку земли”: Да племянникъ жо припустиль къ себе в поле деревню Родомицю, сеть въ ней ржы пол – третьи коробьи, а сена косить двадцать копень, обжа... (НПК II, 22, XV в.); И при старом писме убыла деревня, две обжи, впущена что въ поле къ Парфееву....

Следует отметить, что в XV в. в Новгородской земле господствовало трехполье. Как отмечает Л. В. Данилова, “А. И. Никитский, В. Ф. Загородский писали о господстве трехполья в Новгородской земле в это время как о совершенно очевидном факте”. В отличие от работ А. И. Никитского и В. Ф. Загородского, в которых не приводилось доказательств в пользу существования трехполья, А. М. Гневушев, основываясь при исследовании вопроса о системе полеводства в Новгородской земле на тщательном изучении Новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI вв., приходит к выводу о повсеместности распространения трехполья. Описывая пахотные угодья, писцы конца XV – начала XVI вв. регистрировали посев лишь в озимом поле, подразумевая, а иногда и прямо указывая, что площадь каждого из двух полей такая же: ...пашни во всех трех полях 8 коробей (НПК IV, 124, XVI в.), где пашня – “общее название обрабатываемого (пахотного) земельного угодья” а поле – “используемое для сельскохозяйственной деятельности угодье”. В волости Ворожба в Бежецкой пятине числилось “пашни в поле 127 коробей, а в дву по тому же (НПК IV, 223) Аналогичные сведения имеются в письме 1545 г. В итогах писца сказано “пашни в поле 136 коробей, а в дву по тому же” (там же).

В феодальный период “трехполье состоит из ярового поля, озими, пара. Третья часть поля не дает урожая и предназначается для проведения системы мер, восстанавливающих почвенное плодородие”, возможно, она находится под паром, является перелогом (переложкомъ) “участком земли, оставленным без обработки на несколько лет, ветшей – “заброшенной пашней, вспаханной землей, требующей отдыха”. В картотеке Псковского областного словаря, “ветша – заброшенная пашня”, В. И. Даль приводит лексему с семантикой “выпашь, вспаханная земля, требующая назема или отдыха”, “Опыт областного великорусского словаря” отмечает лексему ветошь – “пахотная земля, несколько лет уже бывшая в употреблении и от того утратившая свое плодородие” с пометой “Воронежск.”. Приведем некоторые примеры: ...на гори три поля (ГВНП, № 158, XV в.), Пришли половники на Федотовской жеребей несаяной, и къ парамъ тройнымъ (АХУ II, 953, 1634 г.); А в томъ есмь ему заложили ...перелогъ, а с верхнево конца с карзыными землями в межахъ; М еще есмь придалъ к той земли отчини своеи землю перелогъ ...надъ Паритовым озером (ГВНП, № 225, XV в.); ...на репечи гоны земли и притеребъ, и в опчихи треть, и у дву местехъ перелощки... (там же, № 176, XV в.); А положиша между ... через угол до ветши (XIV–XV вв.).

Поскольку поле как обрабатываемую (пахотную) землю засевают определенной зерновой культурой, необходимо выделить у этой лексемы значение “обрабатываемая “ пахотная” земля, засеянная зерновой культурой”. Приведем примеры употребления лексемы поле с указанным выше значением: ... и поде вкупе пшеница, рожь и жито на поле и на лесе (XV в.); Того же лета..., нача находити дождь силенъ..., как християне ржи пожали, месяца іюля..., и наполнишася реки и ручьи и болонья аки весне водою, а у християнъ много по полю вершей погнили..., такоже и ржей по селомъ не засеяли многихъ... . Как отмечает И. И. Срезневский, в предложенном примере “вершь = врьшь = вершь – хлеб, жито; ...а еже въ житницах и на поляхъ въ скирдах стоячей немолоченой хлебъ повеле огнемъ сожигати...(НЛ III,1570 г.); хлеб в приведенных примерах “хлебное растение”; Энтрошь Ботва, обжа, сеют в поле ржи 2 коробы (1563 г.).

В сочетании с прилагательным лесное слово поле имело значение “расчищенный и используемый под пашню участок земли”: Даль еси святому Николи отчину свою вчасть... на гори в лесном поли полоса земли; другая полоса земли в лесном же поли... (XV в.).

В Псковской судной грамоте лексема поле характеризуется семантикой “судебная тяжба” (ср. “поле битвы, битва”, “судебный поединок, решение тяжбы битвою” : А жонки с жонкою присужать поле, а наймиту отъ жонки не бытии ни с одну сторону; А кто по волости ходитъ закупень, или скотникъ, а иметь искоти тако же собьуденіа, или верши, ино господине обыскать правда такоже присужаетъ на комъ сочатъ, хочеть самъ поцелуетъ, или на поле с ним лезеть, а хочеть ему оу креста положить (там же, 1397).

В анализированных материалах наблюдаются префиксально – суффиксальные производные от поле – заполекъ, приполекъ. В “Материалах” И. И. Срезневского лексема заполки представлена с семантикой “участки поля”, слово приполекъ здесь отмечено со значением “поле”. Указанные лексемы в новгородской письменности использовались в значениях “обрабатываемая (пахотная) земля за полем” и “обрабатываемая (пахотная) земля около поля”:...А что купилъ игумень Якимъ у Фешака село, поля и заполки, и лешую землю...(ГВНП. № 295, 1456 г.); Продалъ село... да ... наволокъ пожни Карлаевскыи и притеребы и заполки и ловища въ речекы (Гр. Дв., 9, XV в.); ...разделили есмя промежь собою въ Ухтостровской волости на наволоки... дворище и лоскуты и приполекъ (АХУ II, 115, 1573 г.). Пахотная земля за полем иногда превращалась в сенокосное угодье: Да тое – къ деревни зеполекъ... сена косять 30 копень, 2 обжи (НПК IV, 929, 1564 г.).

Лексема поле и префиксально – суффиксальные производные от нее использовались в новгородской письменности как простые и сложные топонимические наименования. Так, отмечены Д. Заполіе (НПК II, 317, 507, 557); Д. Заполье (НПК I, 210 223, 262, 497, 575, 800; НПК II, 508, 562; НПК III, 86, 141, 211, 426, 469, 725, 748); Д. Запольь (НПК II, 474, 475); село

Запольѣ (НПК Ш, 548, 552); Д. Заполекъ (НПК I, 66, 84, 88, 102: НПК II, 381, 556); Д. Наполице (НПК II, 699, 700); Поч. Наполице (там же); Д. Подполье (НПК Ш, 644); Д. У поли (НПК Ш, 193); Д. Дальнее Поле (НПК Ш, 588); Д. Велиже Поле (НПК II, 733); Д. Бело Поле (НПК Ш, 552); Д. Нефедыно Поле (там же, 377); Д. Добрыжье Поле (там же, 388).

В исследованных памятниках письменности встречается также деминутив польце “общее название обрабатываемого (пахотного) земельного угодья”: Се язъ Алексей Амосовъ... даль еси Вознесению Христову в домъ владенья своего... за бродом полце земли возле Феофанову землю... (АХУ II, 1566 г.); А недостанеть техъ полецъ и поженъ в вервь, и мне Василью довервити к темъ польцамъ Николы, что на Хвосте, темъ польцомъ (1676 г.).

Л и т е р а т у р а :

1. *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. – Киев, 1915.
2. *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV – XV вв. – М. : Изд. АН СССР, 1955.
3. *Елизаровский И. А.* Лексика Беломорских актов XVI–XVII вв. – Архангельск, 1958.
4. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. / под ред. А. И. Сахарова. – М. : МГУ, 1966.
5. *Тихомиров М. П.* Пособие для изучения Русской правды. – М. : МГУ, 1953.
6. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: по материалам летописей : дис. ... докт. филолог наук. – Л., 1946. – Ч. 1-2.

С п и с о к и с т о ч н и к о в :

1. Акты Холмогорской и Устюжской епархии : в 3 ч. // РИБ. – СПб., 1894 г.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.-Л., 1949.
3. Грамоты Двинского уезда // Сборник грамот Коллегии экономии. – Т. I – Пг., 1922. – XV в.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – М. : Русский язык, 1978 – 1980
5. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси. – М.-Л., 1937.
6. Новгородская четвертая летопись. – Вып. 1-3 // ПСРЛ. – Т. 4. – Ч. I, Пг. – Л., 1915–1929, сп. XV и XVI вв.
7. Опыт областного великорусского словаря. – 4 изд. – СПб., 1852.
8. Переписная окладная книга (писцовая книга) Вотской пятины 7008 г., вторая половина // “Временник общества истории древностей российских при Московском университете”. – Кн. II. – М., 1851.
9. Псковские летописи. – Вып. 1 / Пригот. к печати А. Насонов. – М.-Л., 1941. – Сп. XV–XVI вв.
10. Псковская судная грамота / изд. Археографическою комиссиею. – СПб., 1914. –

Сп. XVI в.

11. Словарь русского языка XI – XVII веков. – Вып. I, 1975 и послед. – М. : Наука.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. – СПб., 1893–1903.

Стась Т. В. Однослівні найменування орних земель за ознакою “загальна назва оброблюваного (орного) земельної угіддя” (за матеріалами пам’яток писемності XIV – XVI ст.).

Стаття присвячена одній з найактуальніших проблем історичної лексикології - лексико-семантичному аналізу приватної термінологічної системи, що функціонує в рамках XIV – XVI ст. У полі зору перебуває комплекс питань, які висвітлюють процес формування лексики землеробства в генетичному, семантичному, семасіологічному та функціональному аспектах.

Ключові слова: історична лексикологія, пам’ятники писемності, лексико-семантична група, полісемія, лексема, термінологічна система.

Stas T. V. One-word name of the arable land on the basis of “common name being processed (arable) land areas” (based on written records XIV – XVI centuries).

The article is devoted to one of the most urgent problems of historical lexicology, lexical and semantic analysis of partial terminological systems that function within the 14-16 centuries. In the field of view is a set of questions covering the formation of the vocabulary in the genetic zemleprashestva, semantic, semasiological and functional aspects.

Keywords: historical lexicology, written records, lexical-semantic group, polysemy, token, terminological system.

Толчєєва Т. С.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

МЕТОДИКА КОНТЕНСИВНО-ТИПОЛОГІЧНОГО АНАЛІЗУ МОВНИХ ЗНАКІВ

У статті розглядається проблема лінгвістичних методів дослідження мовних знаків загалом, та методика контентивно-типологічного аналізу зокрема. Обґрунтовується доцільність застосування комплексної методики аналізу.

Ключові слова: контентивно-типологічний аналіз, *tertium comparationis*, концептуальний аналіз.

Сучасний стан розвитку мовознавчої науки характеризується тенденцією до вивчення проблем співвідношення мови й мислення. Поняття мислення – ключове для аналізу взаємовідносин між людиною і світом. Є. Верещагін і В. Костомаров переконані в тому, що “мислення [...] завжди протікає у вербальних формах, навіть якщо воно характеризується високим рівнем абстракції” [2, с. 76]. Тому мовознавчі дослідження, об’єктом аналізу яких є мовні знаки, базуються на принципово нових методологічних засадах і нових методиках аналізу. Узагальнюючи досвід попередників, В. Глущенко констатує, що в науці про мову немає чіткого уявлення про поняття